

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ, ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР (МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, УРОКИ)

***Аннотация.** В статье анализируются методологические, теоретические и практические аспекты Великой Октябрьской социалистической революции. Главное событие XX века, революция не просто оставила след в истории, она творила исторический процесс фактом существования и развития Советского Союза – социалистического государства с советской политической системой власти трудящихся. Оценивается вклад СССР в развитие человечества, рассматриваются уроки распада Советского государства, анализируются современные интерпретации свободы и суверенитета. Исходная точка исследования и его суммарный итог – всемирно-историческое значение революции, и перспективы человеческого развития.*

***Ключевые слова:** социальная революция, политическая революция, антиреволюция, социальная трансформация, модернизация, социализм.*

GREAT OCTOBER, DEMOCRATIC RUSSIA AND MODERN WORLD (METHODOLOGY, HISTORY, LESSONS)

***Abstract.** This article analyzes the methodological, theoretical and practical aspects of the great October socialist revolution. The main event of the 20 century, the revolution is not just left a trace in history, she has been creating historical process of existence and development of the Soviet Union-socialist State with Soviet political system of power workers. Estimated contribution to the SOVIET UNION in the development of mankind, explores the lessons of the collapse of the Soviet State, examines modern interpretations of freedom and sovereignty. The starting point of the study and its sum total of world-historical significance of the revolution and the prospects for human development.*

***Keywords:** social revolution, political revolution, antirevolution, social transformation, modernization, socialism.*

Судьба в свое время дала жителям великой страны шанс быть участниками реализации вековой мечты человечества в поступательном развитии нового строя. Но реальность превратила их в свидетелей ее распада. Тот «крест», который каждый из нас несет в своей душе, заставляет нас делать все возможное, чтобы исправить или хотя бы смягчить последствия событий того времени. И данная статья один из небольших шагов в этом направлении.

* * *

Статью, посвященную факту революции, равной которой ни по сущности, ни по форме и результату, в истории человечества никогда не было, и исследование того, что наследие Октября собой представляло, и как отрицание того, что шло к завершению своего первого исторического этапа и стало падением в бездну доистории только начинающегося революцией действительного пути действительного человечества, правильно было бы начать с цитаты К. Маркса. В философском трактате «Немецкая идеология» он писал: «Истинное содержание всех составивших эпоху систем образуют потребности времени, в которое они возникли. В основе каждой из них лежит все предшествующее развитие нации, историческая форма классовых отношений с их политическими, моральными, философскими и иными следствиями... Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой еще неопределенные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т.д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т.д.»¹.

Данное высказывание сегодня, когда кануло в прошлое новое, более высокое по сравнению с деградирующим капитализмом, особенно российского образца, по принципам, внутренней архитектонике и главное, по целям, социалистическое общество, также содержит, кроме собственного значения, ключ к анатомии буржуазного общества, который позволяет его видеть по-настоящему.

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 3. С. 19.

Анализировать полное качество системы невозможно внутри ее системных связей, поэтому все, даже самые выдающиеся, описания капитализма, сделанные изнутри, уступают взгляду извне, с более высокой ступеньки социальной организации.

Что касается всемирно-исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции, то о нем великолепно сказал ее вождь В.И. Ленин. В работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» он писал: «Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т.е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое ... русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего. ...Отсюда международное «значение» (в узком смысле слова) советской власти, а также основ большевистской теории и тактики»².

Сегодня, к сожалению, эти слова практически в полном объеме можно применить к событиям, связанным с уходом социалистических отношений из социальной практики и государственного строительства нашего времени, хотя, естественно, в ином ключе. Это второе приближение горизонта статьи.

Жить прошлым, погружаясь в его пучины, и невозможно, и трагично. День вчерашний — платформа сегодняшней реальности и искра, способная зажечь факел грядущего. Следовательно, предметное поле третьего приближения исследования — анализ тех тенденций, которые способны оживить прошлое, конвертировав его в тенденции будущих необходимых для России и СНГ событий.

* * *

Исторический факт — существование производной от Великой Октябрьской социалистической революции — Союза Советских Социалистических Республик (СССР) — был не случайностью, а необходимой закономерностью исторического процесса, что, как общий объективный ход истории, так и развитие теоретических предпосылок и формирование категорий новой социальной реальности есть продукт развития произво-

² Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 41. С. 3.

дательных сил общества, создавший фундамент новых производственных отношений, набросок, в целом верный и точный, принципиально нового человеческого общества.

В XX веке в мире произошли два важнейших исторических и геополитических события — революция 1917 года в России с последующим образованием СССР и в 1991 году его распад на 15 суверенных государств. Весь остальной событийный ряд вторичен просто в силу технологического и технического, а не социального масштабирования.

Начало череде кризисов новейшего времени положил социальный феномен Парижской Коммуны, который переформатировал мир в масштабах системы, движение которой будирует дурная сторона противоречий частной собственности на средства производства. Приватная форма присвоения прибавочного продукта стала тормозом развивающейся системы социальных отношений.

Но, предваряя основную тему, хочется отметить следующее. При проведении современных аналитических исследований, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство: мир и един, и различен в своих качественных субстанциальных и функциональных количественных проявлениях. При этом вполне вероятным представляется не обязательное совпадение центров единства и дифференциации, как не вполне корректно полное игнорирование вероятности их линейного или циклического совпадения в пространстве развития современного мира или во временных границах его собственного развития или движения его отдельных сегментов.

Речь идет о том, что в природе познавательного поиска современности не существует критериев интеграционного процесса, которые бы полностью адекватно отражали его параметры. Можно вести анализ на культурном, цивилизационном или формационном уровнях методологии, и все равно за пределами их исследовательских шкал будут находиться целые пласты несопоставимого или выходящего за пределы познавательных возможностей данных систем фактического и аналитического материала.

Такие исследователи, как А. Тойнби, К. Ясперс и Э. Тоффлер на Западе³, П. А. Сорокин, А. С. Панарин и Ю. В. Яковец в России⁴ теоретически предвосхитили и частично описали параметры глобальных метаморфоз

³ См.: Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991; Он же. Цивилизация перед судом истории. М., 1996 и др.; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. Тоффлер Э. Третья волна. М. 2009; Он же. Футурошок. М. 2002; Он же. Метаморфозы власти. М., 2003 и др.

⁴ См.: Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992 и др.; Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998; Панарин А. С. Философия политики: Учебн. пособие для студентов вузов. М., 1996; Панарин А. С. Вторая Европа или третий Рим? Избранная социально-философская публицистика. М., 1996; Панарин А. Россия между атлантизмом и евразийством. Цивилизационный процесс и вызов Запада // Российская провинция. 1993. № 1 и др.; Пантин В. И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996; Яковец Ю. В. Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы: Научный доклад к междисциплинарной дискуссии. М., 1992; Яковец Ю. В. У истоков новой цивилизации. М., 1993; Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1995; Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999 и др.

в их прогрессивной или циклической форме. Социологический анализ противоречий «реального социализма», приведших к революционной ситуации, содержат статьи Т. Н. Заславской⁵, Р. В. Рывкиной⁶, а если взять конкретную специфику российского феномена номенклатурной бюрократии, то особенно наглядно она описана в исследованиях С. Андреева⁷, М. Восленского⁸, Э. Карделя⁹ и А. Зиновьева¹⁰.

Социологической новеллой последнего времени представляется попытка коренного пересмотра оснований для философского определения категории социальной революции. Методологической основой данного подхода к социальной трансформации выступает научный аппарат постнеклассической философии, а теоретической базой — выводы К. Р. Поппера о неказуальности и спонтанности исторического процесса в целом и отсутствии объективного характера и телеологичности его составных частей. Рельефным примером конкретного подхода к описанию подобного восприятия в границах социологии является введение в научный оборот категории «антиреволюция» применительно к качественной характеристике реализации задач переходных процессов в Восточной Европе и России. Основные положения данного подхода имеют отличия даже от таксономических и структуралистских исследований современных политологов, таких, как К. Бринтон, С. Хантингтон, Т. Гарр, Ч. Тилли, Дж. Голдстоун, М. Киммель. Глубинное отличие состоит в проведении жесткой демаркационной линии между коммунистическими революциями и антиреволюциями современности.

Первая их особенность заключается в том, что в ходе антиреволюций различия между концепциями реформы и революции утрачивают свою традиционную значимость. Другая особенность рассматриваемого феномена состоит в том, что, хотя антиреволюция отрицает революцию как метод, она, как ни парадоксально, имеет в целом более революционные следствия, чем многие так называемые революции. Используя терминологию Р. Дарендорфа, можно сказать, что последний революционный акт восточноевропейских обществ заключается в выборе между открытостью и закрытостью в условиях конститутивной (в противовес нормальной) фазы политической жизни. Антиреволюции отличались от традиционных революций и субъективным фактором.

⁵ См.: Заславская Т. Н. Перестройка и социализм // Постигжение. М., 1989. С. 217–241.

⁶ См.: Рывкина Р. В. Советская социология и теория социальной стратификации. Там же. С. 17–36; Социализм между прошлым и будущим / Ред. сост. В. П. Киселев, И. М. Клямкин. М., 1989.

⁷ См.: Андреев С. Ю. Наше прошлое, настоящее и будущее. Структура власти и задачи общества // Постигжение. М., 1989. С. 481–588.

⁸ См.: Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

⁹ См.: Кардель Э. Самоуправление и политическая система. Белград, 1980.

¹⁰ См.: Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994; Он же. Запад. Феномен западнизма. М., 1995; Он же. Конец российского эксперимента. М., 1995; Он же. Посткоммунистическая Россия. М., 1997 и др.

Стратегия, посредством которой мятеж против коммунизма не только уничтожил старую антиномию революция/реформа, но и делал ненужными прежние революционные стратегии, была детально разработана А. Михником. В статье «Новый эволюционизм» (1976) он сформулировал заключение, что коммунистические системы не поддаются реформированию, и предложил «третью» стратегию, согласно которой гражданское общество, а не государство становится одновременно субъектом и объектом преобразований.

Ключевым для понимания всей предлагаемой конструкции представляется утверждение Конрада: есть «лишь один путь к освобождению Восточной Европы от российской военной оккупации — «оккупировать Россию нашими идеями». Примечательно, что написано это было еще в 1985 году.

Посткоммунизм, как видится в данном контексте, — это фактически постсовременность, так как возвращает общество к ценностям предшествующего этапа исторического развития. При этом данный реверс называется гуманизмом, и именно по этому основанию он сопровождается отсутствием «врагов народа» и демонстрирует предельно слабое сопротивление противников антиреволюционных изменений.

Таким образом, делается вывод о том, что концепция социалистической революции устарела и, поскольку не возникло какой-нибудь новой универсальной идеологии трансформаций, вместе с ней устарела и концепция революции как таковой.

* * *

Несмотря на то, что данное видение проблемы социальной трансформации не имеет ничего общего с научной методологией, представляется важным обратить внимание на соотнесение таких понятий, как революция и реформа, постсовременность и коммунизм и роль государства в процессах социальных перемен.

Философскую основу предлагаемого исследования составили произведения классиков марксизма, особое место в которых занимают работы, посвященные социализму, как феномену социального и государственного строительства, и как факту истории.

Выражая основную тенденцию истории, К. Маркс практически обосновал возможность пролетарской революции, переход к новой общественно-экономической формации и победу нового строя — коммунизма.

Следует принять во внимание, что противники советской формы правления, социализма как исторического феномена, взяли в свое время на вооружение, пользуясь возможностью произвольного цитирования, метод противопоставления, позднего Маркса молодому, Ленина — Марксу, Сталина — Ленину. В период перестройки и особенно после нее метод,

продвигаемый в массовое сознание не укорененными в социальной среде интеллигентствующими дилетантами и прямо фальсифицирующими историографию подлецами от науки, дал ожидаемый негативный результат — снижение значения, а то и полное отрицание принципов марксизма. Потребовались годы, чтобы не научная мысль, а антинародная политика частнокапиталистически ориентированного государства, стала возвращать интерес к социалистическим ценностям.

Только сегодня становится понятным и то, что если и существовали разночтения основных положений теории марксизма, то они касались развития его идей или сверки хода социалистического строительства с рабочим лекалом научного коммунизма, а вот принципиальных или, тем паче, антагонистических противоречий у основоположников не было и в помине.

Молодой К. Маркс в «Экономических рукописях 1844 года»¹¹, «Немецкой идеологии»¹² и «Подготовительных работах к Святому семейству»¹³ начертил возможную траекторию движения понятийного ряда категорий, связанных с коммунизмом. Он отчетливо понимал, что коммунизм на стадии его теоретического развития в XIX столетии не может быть ничем иным, как движением, движением познающей действительное экономическое состояние мысли. С этим связано то, что все порочные выводы из ужасающего положения рабочих в условиях частной собственности пролонгированы на возможные в этих условиях, и только в них, проявления первоначально понимаемого коммунизма.

Осуществляя четкий вывод о том, что перед тем, как присвоить частную собственность в ее позитивных свойствах, а затем уничтожить, сняв антагонистическое противоречие, К. Маркс прозорливо показывает процесс превращения этого противоречия в союз. Труд и капитал в первоначальной форме коммунизма выступают в своей всеобщности, труд — как обязанность каждого, а капитал, как всеобщность власти общества. Равенство категориально выступает как равенство заработной платы и общность труда.

Условием же победоносного коммунизма К. Маркс выдвигает универсального человека в процессе универсального общения на базе гигантского развития производительных сил, что возможно только во всемирном формате¹⁴.

Мысли, сложенные в категориальный аппарат, дали Марксу тот инструментарий, с помощью которого он создал главный труд своей жизни — «Капитал». Анализ процессов разделения труда и его результата — отношений собственности стал краеугольным камнем марксистского взгляда на социальную революцию.

Условия вступления мира в иную, империалистическую эпоху, дали основания В.И. Ленину развить марксистскую теорию революции, по-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 42.

¹² Там же. Т. 3.

¹³ Там же. Т. 2.

¹⁴ Там же. Т. 42. С. 56–57.

казав, что в условиях неравномерности экономического и политического развития капитализма победа социалистической революции возможна не сразу во всех передовых странах, а в одной или нескольких странах, ставших слабым звеном в цепи мирового империализма.

При этом гений В.И. Ленина проявился не только в том, что он развил учение о революции, но, сверяя революционную мысль с революционной практикой, он двигал вперед реальность, развивая категориальный аппарат марксистской науки об обществе и государстве.

Наиболее четко прослеживается трансформация мысли вождя революции в работах, посвященных трем стратегиям партии по аграрным вопросам, трем формам кооперации и развитию идеи государственного капитализма¹⁵.

Закладывая основы построения социализма в одной, отдельно взятой стране, В.И. Ленин основывался на том, что вне государственного капитализма, практически того самого, о котором говорил К. Маркс, как о грубом социализме, дороги к реальному социализму нет. «Мы не хотим понять, что когда мы говорим «государство», что государство это — мы, это — пролетариат, это — авангард рабочего класса. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, ЭТО — МЫ. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить в эти рамки. Вот в чем вся штука. И уже от нас зависит, каков будет этот государственный капитализм. Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно; экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но недостаточно умения у того авангарда рабочего класса, который выдвинут, чтобы непосредственно ведать, и чтобы определить границы, и чтобы размежеваться, и чтобы подчинить себе, а не быть подчиненным. Тут нужно только умение, а его у нас нет ... потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»¹⁶.

* * *

Современность, на двух ее полюсах от семнадцатого года до девяносто первого года двадцатого столетия, дают полное подтверждение методологической матрице марксизма, правда, теперь за кадром истории.

¹⁵ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11, 36, 45.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 84–85.

Прерывание плавного течения социальной истории также закономерно, как и сам нормальный социальный процесс. Любая конкретная социальная система в силу утраты энергетического импульса своей потенциальности, выражающейся в снижении эффективности основного системообразующего ресурса, подходит к своим естественным границам. До востребования интеллектуального ресурса, в полном объеме этого понятия, первичным оказывалось опережение развития естественных и социальных процессов перед возможностями их осмысления, моделирования вариантов развития и формирования соответствующих защитных социальных технологий. А если учитывать, что вся социальная история, даже взятая как частный случай, состоит из последовательно реализующих свои возможности социальных циклов, то становится предельно ясно, что по существу она предстает перед взором исследователя как постоянный фазовый переход с колебаниями различной амплитуды воздействия на локальные стороны общественной жизнедеятельности. В естественных науках подобное явление получило наименование фазового перехода, в теории социальной трансформации — переходного периода, в синергетике — точкой бифуркации. В конкретном поле социальной истории единичной социальной системы такой переход называется революцией. Понятие революции имеет философское обоснование во всеобщих законах диалектики и законах исторического материализма. Оно не является исторической «ненормальностью», отражая универсальные законы развития природы и общества.

В описании процессов революционных преобразований можно выделить два сущностных определения: социальная (как общечеловеческая) и политическая (по отношению к власти) революции.

С этих позиций, коренным вопросом любой революции выступает вопрос о власти. Но постольку, поскольку речь может идти о революции политической. Вопрос в том, совершается ли политическая революция в период складывания необходимого основания, то есть, соответствует ли она готовому социальному, то есть общечеловеческому — и природа, и общество, и человек, и экономика, и общественные отношения — материалу или нет.

В первом случае политическая революция совпадает с социальной. Отмена старой власти фактически отменяет (закрепляет отмену) старого общества (конечно, в той мере, в которой это является необходимым и достаточным для нового общественного строя). Во втором случае политическая революция осуществляется на гребне социальной революции, но не совпадает с ней. Гениальный вывод В.И. Ленина, сделанный в его работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции»¹⁷, о наличии в России двух социальных войн, дает возможность понять: почему в России был возможен переход к социалистической революции;

¹⁷ См. Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 11.

и почему переход от одного этапа ко второму явился не переходом от одной социальной революции к другой, а перерастанием социальной (на основе общей войны гражданского общества против царизма) революции в возможность использования общечеловеческого конфликта в ходе совершения политической революции более высокого уровня.

Но в этом случае возможность совпадения социальной и политической революций исключается. Точнее, политическая революция, как изменение политической власти, становится прологом революции социальной.

И весь переходный период с этих позиций есть превращение (возможное или невозможное, полное или частичное, действительное или иллюзорное, соответствующее ходу истории или извращающее его) политической революции в социальную, политического общества в гражданское, его превращенных форм в действительную историю.

* * *

При этом первичным, главным фактором в осуществлении этого революционного превращения в действительность выступает политическая власть.

Формы организации и методы осуществления политической власти становятся, следовательно, решающим условием не только политического, но и всего гражданского общества. От того, насколько успешно мероприятия власти будут совпадать с интересами общественного развития, то есть, в какой мере политика будет отражать закономерности и тенденции развивающейся экономики, зависит путь и эффективность революционных преобразований. И тогда возникает ряд проблем. Во-первых, возможен ли режим личной власти или он является извращением исторического процесса. Во-вторых, в какой мере возможны авторитарные или демократические методы управления обществом.

Но, независимо от постановки отмеченных выше вопросов, суть переходного периода не состоит только в создании фундамента социализма (или иного формационного образования). Иначе, в свою очередь, возникает вопрос, а в чем этот фундамент состоит, в чем его экономическое (или чисто техническое) отличие от фундамента: а) капиталистического, б) коммунистического общества.

Главная задача переходного периода — осуществить превращение политической революции в социальную, то есть:

– используя объективные законы общественного прогресса, поднять уровень развития производительных сил до таких форм, как универсальный индивид и универсальное общение;

– используя политическую власть, добиваться на каждом этапе развития общества единства его экономических условий и форм организации власти и управления;

– при анализе состояния общества учитывать действительную историю, то есть реальное состояние реального процесса движения, прежде всего форм собственности; превращенность в общественном сознании форм этого действительного движения.

Постановка вопроса о власти обладает реальным смыслом только тогда, когда налицо готовность общества к революции. С этих позиций политическая революция может быть либо высшей формой социальной революции, либо ее извращением (если нет объективной основы для проведения социальной революции, то политическая вырождается в переворот, который не только не способствует социальному прогрессу, но останавливает его, а иногда отбрасывает общество назад). Суть в границе меры.

* * *

Социалистическая революция суть вид революции социальной. К. Маркс показал, что объективными условиями социалистической революции являются универсальное общение и универсальный человек на базе гигантского развития производительных сил.

Исходя из усиления действия закона неравномерности экономического и политического развития стран в эпоху империализма (кстати, и первое, и второе положения описали уже К. Маркс и Ф. Энгельс, а В. И. Ленин развил их основания в учении о возможности победы социализма в нескольких или даже в одной, отдельно взятой стране; о победе или ее возможности в границах всего ареала цивилизационного эпицентра писали уже опять-таки они).

Причем, важным представляется не только следствие, то есть, либо возможность, либо победа — чрезвычайно важно сделать анализ побудительных причин этого вывода.

В. И. Ленин отошел от необходимости для нашей страны гигантского развития производительных сил. Отсюда и объективные условия социалистической революции (как социальной) — универсальное общение и универсальный человек — формируются (в идеале) после политической революции (ленинское учение об объективных и субъективных факторах социалистической революции). Причем, революционная ситуация — кризис (а не готовность) — берется за основу революции (переворота). Но это верно лишь для политической революции, тогда как социальная революция развивается и в периоды кризиса, и между кризисами, по общим историческим законам, сформулированным в теории исторического материализма.

Возьмем конкретную ситуацию 1917 года в России. В. И. Ленин гениально определил (еще в 1905 году в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции») наличие в России двух социальных войн: весь народ против царизма; пролетариат против буржуазии. Это

общеизвестный факт. Но практически никто не анализировал, в какой мере, объективно и субъективно, эти две войны были обеспечены.

Можно доказать, что: а) налицо были объективные и субъективные факторы буржуазно-демократической революции. Для нее политическая революция превратилась в фундамент закрепления социальных преобразований (хотя в России и здесь не все обстояло столь просто); б) объективных условий для проведения социалистической революции (в качестве социальной) было явно недостаточно. Объективной основой для политической пролетарской революции явилась социальная демократическая революция. Сам В.И. Ленин подчеркивал, что важнейшим, если не главным, моментом при взятии власти явился лозунг мира, немедленного и демократического. То есть, речь, опять-таки, шла о демократическом, а не чисто пролетарском условии.

Тогда политическая революция пролетариата, совершаемая на основе социальной буржуазно-демократической революции, должна была бы:

– довести до конца социальные преобразования буржуазно-демократической революции и тем самым подготовить объективно и субъективно условия для пролетарской социальной революции;

– главными задачами пролетарской революции, исходя из этих позиций, должны были стать обеспечение гигантского развития производительных сил, подготовка формирования универсального (пусть даже для России в национальном масштабе) общения;

– основной должна была стать следующая концептуальная линия: социально-демократическая революция – формирование условий для подготовки социальной пролетарской революции – социализм как процесс перехода от развитой демократии к полному коммунизму.

Следовательно, с политической революции октября 1917 года в России началась бы социальная пролетарская революция, которая завершается полной победой новой общественно-экономической формации. Социализм, таким образом, становится длительным переходным периодом.

* * *

Отмеченные послышки дают повод для следующих рассуждений.

Во-первых, необходимо учесть, что весь семидесятилетний период социалистической истории нашей страны представляется как возможный своеобразный революционный переход от капитализма к коммунизму (все-таки, правильнее сказать, должен был бы быть).

Во-вторых, думается, прав был Н.И. Бухарин, когда отмечал, что к переходному периоду нельзя применять методы, основанные на действии законов нормального развития формации.

В-третьих, переходный период включает (обязательно должен заключать) в себе как элементы старой системы, так и элементы, вырастающие

из них в новую систему. Значит, необходимо учитывать действие законов обеих систем. Проблема постоянно будет фиксироваться на вопросе, что в реальности преобладает, то есть, действие каких экономических законов доминирует.

В-четвертых, переходный период с деформированным основанием (речь идет о деформированном основании, так как данная революция совершалась не на своей или хотя бы не на смешанной социальной основе) также неизбежно должен будет иметь ряд как формальных, так, возможно, и сущностных, особенностей.

Причем, интереснейшим фактом именно нашей революции и нашего переходного периода является то, что деформированными оказались именно общедемократические, то есть социальные объективные условия (предпосылки) самой пролетарской (даже в качестве политической) революции.

* * *

Совершенная на основе социальной демократической революции, политическая революция пролетариата не развила, а, наоборот, ликвидировала свои собственные, в том числе политические предпосылки, не успев создать собственных социальных корней (как в теоретическом обеспечении переходного периода, так и в реальной практике социалистического строительства), то есть социализма в реальном смысле этого слова.

Это могло произойти за счет ускоренного (форсированного) развития процессов политической революции в ущерб социальной. Объективные и субъективные факторы деформировались в сторону преобладающего развития именно субъективных (кстати, интересно проанализировать такую ситуацию на примерах новейшей истории). Сейчас в любой стране складывание субъективного фактора может быть более быстрым и доступным в механизмах своей реализации, чем процессы формирования объективных оснований революционного процесса: Куба, феномен Че Гевары в Латинской Америке, попытка перестройки в СССР, все варианты «цветных революций». Внеэкономический, то есть идеологический фактор становится главным и в достаточной мере определяющим.

Налицо факт: изменение качественных параметров социальной организации общества неизбежно влечет за собой изменение качества властных ресурсов как в экономике, так и в политике и идеологии.

При неготовности объективных факторов, главным формообразующим и детерминирующим становится субъективный. Но все дело в том, что реальным субъективным фактором цивилизационного сдвига или возможности смены общественно-экономической формации является не наличие политической власти в руках у пролетариата (да и не пролетариата как класса), а в начале — лишь у идеологов из старого господствующего слоя, а затем — управляющей номенклатуры, имманентно выражающей интересы

не основной политической системы — взглядов, традиций и образа жизни трудящегося населения, а собственно государства как самодостаточной и самодовлеющей структуры. Реальным субъективным фактором в этом случае могло явиться только массовое социалистическое сознание. Лишь оно, сформировавшись в качестве мотивации и общественного идеала, могло посредством уже осознанной деятельности формировать и свои объективные основания.

С нашей точки зрения, действительным парадоксом Советского государства является то, что оно ценой репрессий и бесчеловечности по отношению к части населения, беспримерного героизма и неслыханной подлости и, в конечном счете, самоликвидации именно эту задачу выполнило. Не ставя целью проанализировать сам этот феномен, подчеркнем, как факт: в СССР государство в полном объеме своего понятия становится и формация образующим фактором, и способом структурирования социума. Но в то же самое время от функции регулирования экономических отношений оно переходит в состояние субъекта, можно сказать, становится гегемоном всех уровней экономических взаимосвязей.

Уточним: принимая во внимание характер отношений в советском обществе и опираясь на анализ возможных первичных форм социализма как качественно новой системы социального устройства общества, данных К. Марксом в подготовительных материалах к «Святому семейству...»¹⁸ и такой работе, как «Немецкая идеология»¹⁹, можно констатировать, что в СССР было построено не социалистическое общество в полном объеме этого понятия (то есть, общество, которое мы знаем как социалистическое, не имело своих собственных формационных оснований). В реальности, в нашей стране был построен государственно-монополистический социализм. То есть, внедрением в общественное сознание и практику социальных отношений инновационных социалистических идей, не подкрепленных уровнем развития производительных сил и универсализацией системы общественных отношений без универсальной личности члена нового общества, с четкостью закона сложилось общество, более высокое по своим основаниям, чем классический капитализм («рыночная экономика» Ф. Броделя²⁰), но по своим же основаниям — более низкое, чем реальный социализм²¹.

У И. Валлерстайна²² государство — слуга, функция капитализма; в реальной практике СССР монополизм — функция государства. Причем,

¹⁸ См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Соч. 2-е изд. Т. 1; Его же. Немецкая идеология // Соч., 2-е изд. Т. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV — XVIII века: в 3-х т. — М., 1992; Его же. Динамика капитализма. — Смоленск, 1993.

²¹ Кстати, в полном соответствии с как бы предвидением В.И. Ленина, просчитываемом в работе «Очередные задачи Советской власти» и особенно в работах периода начала НЭП, государственный капитализм — первая, предварительная ступенька, не став на которую, социализм построить невозможно.

²² См.: Валлерстайн И. Развитие: путеводная звезда или иллюзия? / В кн. Глобальные и региональ-

мы не случайно употребили лишь термин «монополизм», не включая его капиталистического фона.

Весь «секрет» в том, что если в определенных стратах (сословиях) всей системы советских общественных отношений наблюдается практически полная гамма экономических реалий, то на уровне организации общества как системы господствует, даже абсолютно доминирует одна — государственно-монополистический капитализм (ГМК). Непонимание этой реальности стало трагедией общественного сознания.

Но в качестве абсолютной исторической реальности этот феномен, во-первых, является данностью, и оценки его с правовых или идеологических позиций, следовательно, не могут этой данности отменить. И, во-вторых, сама данность ГМК как общества-системы несла в себе заряд национального, общественного и государственного выживания, то есть была онтологически оправданной. В-третьих, построение единого комплекса общества-системы ГМК в нашей стране имело такие далеко идущие последствия, что именно этот феномен — государство — субъект экономик — оказался определяющим во всех глобальных трансформациях нашей страны и мира, которые потрясли все XX столетие.

И если с позиции «холодной войны» современное состояние России можно характеризовать как идеологическое (подчеркнем, именно и только идеологическое) поражение, то ответ на вопрос о перспективах соревнования двух социально-экономических систем по всему спектру реальности далеко не так очевиден.

Дело в том, что единая система-общество государственно-монополистического капитализма, которая была в основном сформирована в советской стране, *уникальна* и представляет собой фактический ИДЕАЛ, абсолютно притягательный и столь же недостижимый для мира-экономики (системы) западной цивилизации²³.

* * *

Каждое общество в западном мире имеет реальные ресурсы власти, главные из которых на сегодняшнем этапе сконцентрированы в нескольких транснациональных корпорациях, баланс интересов (или сил) которых и формирует степень силы или слабости института государства (в его национальной форме). Каждая из корпораций в точном соответствии с законами исторического материализма стремится заместить собой (ре-

ные перемены в работах Иммануила Валлерстайна. — М., 1998. С. 25–34; Его же. Капиталистическая цивилизация. С. 183–197.

²³ Уникальна, кстати, только в поле современной нашему историческому времени реальности. Практически вся фактологическая база истории и философии исторического процесса во всемирном масштабе, ретроспективно развернутом в историческое прошлое, убеждает нас в том, что для каждой конкретно-исторической системы, понимаемой как определенная цивилизация, этот феномен проявляется с жестокой необходимостью закона развития человеческих сообществ.

сурсом собственной власти) действительное государство. В свою очередь государство стремится сохранить существующий баланс сил незавершенных корпораций.

Возможно, что именно этот процесс создает правовое поле для функционирования полноценного гражданского общества. Но абсолютный факт в том, что это в силу энергетических затрат делает институты экономических корпораций (плутократии) и государства (бюрократии) более слабыми по сравнению с их потенциалом.

Практика реального социализма сконструировала иной феномен. Предельно завершенное государство — корпорация не дает реальных прав для существования гражданского общества (по крайней мере, в той форме организации жизнедеятельности собственников, как это подразумевается на Западе). Оно в нем просто не нуждается, совпадая по своим функциям и морфологии с самим социумом. Оно не затрачивает усилия на реализацию принципа разделения властей и интересов, а потому на внешней арене выступает как монолит власти. В том числе, и именно это предельно важно, как для понимания отношений России и Запада сейчас, так и для анализа возможных вариантов перспективного развития, — как монолит (субъект) власти экономической.

То есть, иными словами, если теперь привести все особенности понятийного аппарата различных концепций к единому знаменателю, к единой системе отсчета, то отчетливо проявится следующая картина.

С момента, когда в ответ на вызов необходимости первой цивилизационной волны²⁴, то есть по мере перехода эпицентра (а таким эпицентром тогда в действительности выступал Запад) развития человечества к индустриальной стадии, во-первых, начала складываться система, где наряду с естественной природой, объективным фактором, закономерно влиявшем на цивилизационные процессы, стала искусственная — вторая — социальная природа человека. Во-вторых, спираль индустриального развития породила и движущие ее противоречия, дурная сторона которых *требовала* (с самого возникновения, ибо это и факт истории, и закон развития сложной, пусть даже и самоорганизующейся, системы) преодоления (снятия) уже самой индустриальной оболочки процесса человеческой жизнедеятельности.

В пределе, как сегодня представляется уже достаточно ясно, индустриальная волна стремится к завершенности в качестве общепланетарного социума — цивилизации (и, пожалуй, только объемом такой категории охватывая сущность действительно происходящего в человеческом сообществе процесс). Но, и это также закон истории, складывающаяся система обретает эмерджентные свойства (когда сумма ее качества больше, чем

²⁴ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991; Его же. Цивилизация перед судом истории. М., 1993; Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997; Его же. Третья волна. М., 1999; Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1995 и др.

арифметическая сумма качеств составляющих ее элементов множества) только в разнообразии (единичности, уникальности) своих проявлений, причем не в одной плоскости, а в разных уровнях (на разных этажах) организации.

Таким образом, получается, что по сути дела вся социальная история (а она, озаменованная христианством как вехой в качестве становящейся системы, как раз и есть индустриальная эпоха) есть, во-первых, период формирования единой цивилизации и, во-вторых, с полным правом может в то же самое время рассматриваться как единый непрерывный процесс ее преодоления, то есть как фазовый переход (фаза — вся социальная история) от одного естественного (доисторического или, по крайней мере, доиндустриального) состояния человечества (или биосферы) в иное (качественно) естественное состояние. Такая гипотеза не является в данном случае предметом исследования, но она позволяет понять, что аналогичные процессы эволюции и инволюции, скажем, в последовательности смен конкретных форм разделения труда и его кооперации, собственности и организационных структур (институтов) общества имеют место внутри этого большого периода, в иной системе отсчета и с иной силой вытекающих из них следствий.

Если такой общий подход дает представление о цивилизационных процессах, то анализ форм общественного разделения труда, его кооперации и отношений собственности описывает последовательность смены уровней (степеней) организационного развития цивилизации.

* * *

Введение в арсенал методологического инструментария исследовательской позиции этнической, биологической или разумной модальности дает возможность увидеть те основания, которые с силой исторического закона формируют конкретный облик уникальных образований множества, составляющего единую человеческую цивилизацию как планетарный феномен, то есть единичных обществ, государств и их сочетаний. Отсюда можно сделать следующие, имеющие уже непосредственное отношение к предмету исследования, выводы.

Во-первых, логика наших рассуждений показывает правильность рассмотрения хода человеческой истории, сделанного в свое время еще Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»²⁵. Во-вторых, на этом фоне можно отметить элементы достоверности как в концепции смены общественно-экономических формаций, так и теории цивилизационных волн истории.

²⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.

И, наконец, становится очевидным, что проблема исчерпанности национально-государственной идеи развития и реальных форм ее конкретно-исторической практики, не так проста, как это видится Валлерстайну²⁶. Она имеет, как представляется, по крайней мере, два уровня рассмотрения.

В той мере, в которой все процессы современности можно описать в терминах смены цивилизационных волн, в частности, период перехода от индустриальной стадии развития к постиндустриальной, действительное значение приобретает проблема исчерпанности национальной идеи, в ее государственной форме.

Постиндустриальная цивилизация, понимаемая Валлерстайном как некое некапиталистическое общество²⁷, также в действительности может строиться уже не на этнической, то есть национальной, основе; и в качестве реализации новых организационных функций не требовать присутствия социального института государства.

Аналогично, по теоретическим построениям К. Маркса, завершение в истории всей совокупности обществ, вся действительная история которых строилась на отношениях частной собственности или по поводу отношений собственности, составляет переход к неэкономической форме организации и жизнедеятельности человеческих сообществ. И процесс подобного перехода аналогично — при отсутствии необходимости реализации экономической функции как сущности общественного развития может не искать форм государственного строительства.

Таким образом, может сложиться впечатление, что исчерпание этнических и экономических оснований организации человеческих обществ (или предположение об их исчерпанности) с неизбежностью приводят к упразднению и государства как структуры, осуществляющей функцию интеграции национального и экономического единства (в данном случае не важно, основано ли подобное единство на паритете сил или балансе интересов).

Представляется, что правильным в данной интерпретации является факт положительного снятия ряда, хотя и существенных, но лишь частных функций государства как ядра любой социальной системы, мыслимой в границах орудийной, адаптационной деятельности человека. История доиндустриальной эпохи, так называемой доистории²⁸, очень рельефно и убедительно очерчивает факт: власть как отношение «подчинения-господства» в любой фазе и на любом уровне организации человеческих сообществ — стада, этноса, социума — является первичной по своему происхождению. В качестве фиксации единства любой системы она свидетельствует о неравномерности и разнообразии как процессов организации, так и конкретных качеств образующих ее элементов.

²⁶ Валлерстайн И.. Капиталистическая цивилизация. С. 183–197.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

* * *

Строго говоря, государство как система организации власти есть граничное, базовое условие существования любой человеческой системы вообще (опять-таки безотносительно оценки положительного или отрицательного вектора реализации, перегибов и возможных запредельных форм проявления).

С этих позиций любая частная функция государства — института конкретной формы организации, описывает не сущность государства-системы, а лишь значимое поле реализации его в качестве граничного условия существования именно данной конкретной формы социальной организации.

И тогда, во-первых, государство-система (причем, имеющая эмерджентные, по отношению к своим элементам, свойства) будет существовать до тех пор, пока не будет завершена (исчерпана) сама социальная форма человеческих отношений. И, во-вторых, процессуально, государство как власть, являясь первичной формой инновационного отчуждения человека от естественной, этноландшафтной среды его обитания, будет снято в качестве главного объективного отношения, в последнюю очередь, то есть, только после того, как последовательно будут сняты (реализованы) его частные функции, такие как национальная или экономическая.

Таков первый — общеметодологический и теоретический — план рассмотрения роли государства.

* * *

Второй уровень рассмотрения вопроса тесно увязан с онтологической данностью той системы человеческих отношений и форм жизнедеятельности, которая задана непосредственно реальностью дня сегодняшнего.

Все развитие системных отношений человечества в действительности последние 500 лет (хотя, возможно, что правильнее будет говорить о тысячелетнем периоде) строится на основе национально-государственной идеи, так как основными формообразующими факторами выступали этноландшафтное равновесие²⁹ и социальная форма общежития (на орудийной основе).

Однако не стоит сбрасывать со счетов и два других основания: биологическое и разумное. С мезолитической революции³⁰ по закону

²⁹ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994; Его же. Конец и вновь начало. М., 1994.

³⁰ См.: Моисеев Н.Н. Причины крушения и рычаги процветания // Российская провинция. 1994. № 2; Его же. Современный рационализм. М., 1995; Его же. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления 1917–1993. М., 1997; Его же. Мировое сообщество и судьба России. М., 1997; Его же. Время определять национальные цели. М., 1997; Его же. Судьба цивилизации: Путь Разума. М., 1998; Его же. С мыслями о будущей России. М., 1997; Его же. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 52–66; Его же. Расставание с простотой. М., 1998.

эмерджентности биологическое развитие индивидов уступило место развитию коллективных форм их организации, то есть человеческих сообществ и коллективов. С тех пор биологическая составляющая как бы стабилизировалась (но, по моему мнению, лишь до тех пор, пока иерархия становящихся форм сообществ стремилась к целостности, то есть развивалось по диалектическим принципам как единое целое).

В то же время, особенно после последовательно реализовавших себя в ходе неолитической революции фактов первых крупных разделений общественного труда, начинает преимущественно раскручиваться спираль Разума, принявшая в эпоху индустриализма форму рациональности (хотя первичные глубинные основы поля Разума содержались в духовных матрицах Великих религий). И до тех пор, пока границы поля жизнедеятельности конкретных форм общественной организации вписывается в этно-социальную, национально-государственную матрицу, у индивидов этих целостных социальных систем, стремящихся к завершенности, Разум в своих иных проявлениях также не востребован. Он пока спокоен.

* * *

Казалось бы, эти два основания, как крайние граничные условия возможности существования социума, могут не учитываться. Но это не так. Они, в той мере и в той форме, в какой используются в реальной практике человеческой жизнедеятельности, оказывают в качестве факторов влияние на конкретные формы и самого процесса жизнедеятельности, и на строение организационных структур человеческих сообществ.

При попытках адекватно описать конкретные формы общества и государства, сложившиеся в индустриальном цивилизационном поле, необходимо подчеркнуть, что сам процесс развития становится необходимым и возможным только в результате нарушения предшествующего состояния равновесия на том или ином уровне системности.

Таким образом, развитие (движение с положительным, восходящим вектором направления) — всегда следствие и функция нарушения некоей предшествующей целостности (системы).

* * *

Возможно, что лишь первоначальный толчок социального и индустриального развития на территории Европы в период раннего средневековья имел внутренний импульс, тогда как все процессы структурообразования социальных форм в других местах и в другое историческое время происходили под действием внешних сил, причем, последнее замечание уже в полной мере относится к процессам, идущим в совре-

менной Западной Европе. В результате³¹ в сравниваемой зоне цивилизационного сдвига образуется, по крайней мере, три типа обществ, которые для поддержания себя в качестве целостности, востребовали и три типа государства.

В полном смысле слова социум, как система человеческого сообщества, основанная на базе второй, рукотворной природы, опосредованной действием социально-экономических законов (на уровне действия природных, естественных), сложился на территории Западной Европы в странах классического капитализма (или индустриализма).

Собственно, границы классического капитализма и есть границы эффективного действия второй цивилизационной волны. Социум есть в действительности классический капитализм = индустриальная цивилизация = рыночная система, основанная на господстве свободной торговой конкуренции.

Именно в странах Западной Европы и была последовательно, на протяжении трех столетий, реализована национально-государственная идея. Здесь сложилось реальное гражданское общество в форме национального государства. Основа — частная капиталистическая собственность на средства производства и торговая конкуренция. Свободные собственники формируют (хотя, естественно, не непосредственно даже в качестве исключения, и такие примеры имеются) государство как функцию обслуживания своих социально-экономических и политических интересов. В силу дробления господствующей формы собственности, стремящейся к анархии политической жизни, государство выступает субъектом (аргументом) в отношении всех оснований, за исключением этнической составляющей, для которой именно оно — функция. Не случайно, что практически все конфликты вплоть до XX века, когда по образному выражению О. Шпенглера³² начался «закат» Европы, носили четко выраженный национальный характер. С конца позапрошлого столетия (а не со второй половины прошлого, как общепринято считать) проявляется кризис индустриализма.

Весь цивилизационный пояс сотрясали революциями — свидетелями действия исторического вызова со стороны системы уже более высокого порядка. Собственно, тщательно проанализированный В. И. Лениным империализм, признаки и особенности которого полностью (хотя и не в частностях) подтвердились, и стал фазовым переходом от индустриальной к постиндустриальной стадии развития человечества.

Реально этот процесс нашел свое отражение в двух формах: международного интернационального империализма, функцией которого стали национальные государства Запада, лидером — США. СССР и мировая

³¹ См.: Подробный анализ становления конкретных форм социума в границах (пространственных и временных) индустриального цивилизационного пояса мы подробно анализируем в ряде отдельных работ об особенностях цивилизационного развития России.

³² См.: Шпенглер О. Закат Европы. В 2-х т. Т. 1. М., 1993; Его же. Закат Европы. В 2-х т. Т. 2. М., 1998.

система социализма приняла форму государственно-монополистического капитализма в его предельно национальной форме.

* * *

Общая черта (это уже, видимо, закон перехода) у СССР и США заключается в стремлении к международной экспансии, хотя США присваивает мир посредством системы капиталистического мира-экономики (КМЭ) Валлерстайна³³, превращая процесс интернационализации в «черную дыру» человеческой цивилизации. Отсюда идеи «устойчивого развития» и «золотого миллиарда»³⁴. Тогда как СССР через духовную составляющую распространял в мире-системе идею социализма, осваивая, а не присваивая его.

Важным отличием исследуемых систем явилось также то, что степень (уровень) государственно-монополистического капитализма (ГМК) был различен и по организационному строению, и по вектору направления движения, и по наличию основных ресурсов.

Главным ресурсом империализма США является экономическая власть, то есть отношения собственности (или по поводу собственности) на средства производства. Государство лишь функция, выражающая интегративный интерес (баланс интересов) властных экономических групп в виде транснациональных корпораций (ТНК).

Поэтому и внутри (через представительскую систему агрегации интересов), и на международной арене государство США выступает исключительно как функция суммы монополизированных экономических интересов реальных собственников экономических ресурсов (власти).

Тогда как СССР, являясь идеологическим государством-системой (обществом), внутри своей социальной структуры вообще имел проблему собственности на средства производства в снятом виде, для всего населения несущественную (состояние предельного отчуждения), а как реальную (предельно монополизирующей всю собственность как таковую и тем самым превращающий капитал из самовозрастающей стоимости в омертвленное государственное имущество) на международной арене, то есть во всей совокупности отношений с любыми не-советскими собственниками любого ресурса и, что наиболее важно, экономического, — как полноправный и полномочный субъект (аргумент).

Поэтому и с этих позиций всю гамму отношений, которую мы относим к сфере международных, в целях четкости необходимо разграничить хотя бы по одному, но принципиально важному, основанию. В какой мере совпадают объемы понятий международных и межгосударствен-

³³ См.: Валлерстайн И. Указ. соч.

³⁴ См.: Коптюг В.А. Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997; Мельникова Л.Н. Час X. Россия 21 век. М., 1996 и др.

ных отношений? И здесь с точностью закономерности выясняется, что в областях, где государства могут вступать между собой в отношения в качестве субъектов (аргументов), есть и возможность, и необходимость соглашений и компромиссов.

Но там, где государству-функции субъектами того или иного ресурса полномочия не делегируются (а, возможно, есть сферы, где они недеделируемы по определению), компромисс невозможен принципиально. Ибо договариваться по поводу ресурсов, собственности на них и распределения сфер влияния и связанных с ними властных полномочий, могут лишь реальные собственники этих ресурсов.

Поэтому Валлерстайн почти абсолютно прав в выдвижении своего «принципа дополнительности» там, где системы вступают в отношения, как субъекты. Но и не прав, ибо этими границами вся совокупность отношений не исчерпывается.

* * *

Ни один реальный субъект собственности экономических ресурсов на Западе не мог ни превратить государство-систему СССР в свою функцию (как, например, в случаях с государствами с монокультурной хозяйственной доминантой или небольшими по своим размерам), ни включить в сферу своего влияния иных собственников на территории СССР и стран мировой социалистической системы (как, например, при размещении дочерних производств и проведения финансовых операций на территории стран Западной Европы), так как таких иных собственников просто не существовало; ни, и это главное, даже конкурировать в любой, отдельно взятой, частной отрасли хозяйственной деятельности.

Ранее мы уже подчеркивали, что как раз по этим параметрам для любой конкретной ТНК как реального собственника экономических ресурсов, государство-система СССР была и недостижимым (по крайней мере, до событий 1990-х годов) идеалом и, естественно, даже не конкурентом, а смертельным врагом. Речь при этом опять-таки не идет о положительном или отрицательном идеологическом потенциале каждой из сравниваемых социально-экономических систем. Поэтому, если вкратце очертить проблему, главное поле битвы в годы «холодной войны» являлось не идеологическим или военным (как раз здесь полностью работает «принцип дополнительности» Валлерстайна, и сейчас очевидно, что в этой области удар, нанесенный по СССР, имеет и еще будет иметь самые негативные последствия для мира-экономики и, прежде всего его современного лидера — США), главным направлением стратегического противостояния выступала борьба за реальные властные полномочия в сфере экономического интереса (владение, распоряжение и пользование экономическими ресурсами).

Необходимо было разбить не идеологию коммунизма и основы советского политического строя. Уничтожению подлежало государство-система, конкурировать с которым и распространять свое влияние на страны так называемого «третьего мира» вне его контроля реальные собственники экономического ресурса Запада — ТНК — не могли по определению³⁵.

* * *

Именно в содержании данного вывода заключается ответ на вопрос, почему Россию, даже якобы демократическую, продолжают добивать «союзники по общечеловеческой цивилизации». И именно здесь находится ключик от любых прогностических попыток описать будущее нашей страны.

Реальный шанс на достойное место в системе мирового общественного разделения труда у России будет только в том случае, если ее лидеры, осознав действительные цивилизационные особенности нашего общества как государства-системы, используют заложенный в ней всем ходом исторического развития потенциал, хотя это сегодня представляется достаточно, если не сказать чрезвычайно, трудной задачей. К настоящему моменту есть сомнения в сохранении условий для ее реализации.

Если же дальнейшее движение России будет осуществляться в границах тенденций, имеющих место сегодня, то можно утверждать, что сценарий грядущих событий уже написан и имеет только однозначное прочтение.

Россию как государство будут теми или иными (не об этом сейчас речь) способами склонять к отказу от модели «государство-система». Тогда следствия либерализации экономики приведет к тому, что в России в действительности смогут появиться реальные негосударственные собственники экономических ресурсов. Но, учитывая тот уровень производственного и организационного состояния экономических отношений, они в этом качестве будут неспособны конкурировать с отдельными ТНК, а в лучшем для них случае превратятся в их дочерние предприятия и филиалы.

В худшем, а в рамках имеющего места тренда жестокой борьбы мирового финансового и мирового промышленного капитала³⁶, он представляется «оптимальным» для реализации заказа КМЭ Запада, Россия в действительности интегрируется не в ядро последнего и даже не в периферийную зону. Место России по канве реального событийного ряда и планов КМЭ — в кольце «варваров» (хотя, говорят, что именно варвары разрушили гигантскую гнивающую Западную Римскую империю. А Восточная прожила еще 1500 лет. Но кому от этого легче?).

³⁵ Попробуйте посмотреть на позицию США в отношениях с Ираком, Ливией, Югославией, Сирией, Украиной не сквозь иллюзию военной истерии, с предлагаемой точки зрения.

³⁶ См.: Стратегия реформирования экономики России: Доклад /рук. Абалкин Л. Н. М., 1996.

* * *

Для более глубокого прочтения ситуации, сложившейся в аналитических центрах политической, социальной, экономической и других наук об общественном развитии, представляется актуальным обратить внимание исследователей еще на один аспект значимости событий, происходящих на постсоветском пространстве.

В контексте процессов мирового разделения труда и сознания, в силу небывалой жестокости политической воли бюрократического государства, начиная с момента гибели субъективного основания (хозяина), то есть с конца 1950-х годов, общество на фоне формализованных в политической идеологии, но реальных для широких масс трудового населения принципов коммунистической теории совершило невероятный прорыв в прогрессе технологий, производства, техники и науки³⁷.

Итоги экономического и социального развития СССР за 70 лет убедительно показывают огромную созидательную силу социализма (при оценке следует помнить, что за годы существования советского государства около 20 лет заняла гражданская война, интервенция, вторая мировая война и периоды восстановления народного хозяйства). Национальное богатство к 1987 году по сравнению с 1913 годом увеличилось более чем в 50 раз. По сравнению с дореволюционным периодом реальные доходы рабочих промышленности и строительства с учетом ликвидации безработицы и сокращения продолжительности рабочего дня и недели в расчете на одного работающего возросла в 1986 году в 12 раз, а реальные доходы крестьян — в 19 раз.

В 1986 году повышение производительности общественного труда на 1 процент было равнозначно прибавке около 6 млрд рублей национального дохода (или экономии труда 1 млн работников). Рост общественной производительности труда за 1981–1986 годы обеспечил экономию труда более 15 млн человек, в 1986 году — 3 млн человек.

Из общественных фондов потребления населению обеспечивалось бесплатное образование и повышение квалификации, бесплатная медицинская помощь, пособия, пенсии, стипендии учащимся, оплата отпусков, бесплатные и по льготным ценам путевки в санатории и дома отдыха, содержания детей в дошкольных учреждениях и т.д. В 1986 году из общей суммы выплат и льгот более 50 процентов составили денежные выплаты.

³⁷ Так, например, здесь уместно говорить о таких колоссальных прорывах в науке и технике, как создание космических технологий, овладение ядерным и термоядерным синтезом. В 1957 году был запущен первый искусственный спутник Земли, а в 1961 — состоялся первый в человеческой истории космический полет человека. В материальном отношении была создана уникальная органическая система производства. Так, по данным ЦСУ СССР, в 1985 году национальное богатство СССР без стоимости земли, недр и лесов составило 3,6 триллиона рублей против 1,4 триллиона в 1970. Рост национального богатства происходил на фоне роста реальных доходов населения и активной миролюбивой внешней политики.

В этот исторический период все, поддающиеся сравнению в едином масштабе, показатели уровня развития между двумя сверхсистемами выстраиваются в кластер трендов, четко указывающий на исторически предпочтительную для народов планеты именно социалистическую модель организации социума³⁸. Иначе, при всей абстрактности данного тезиса, ряд стран третьего мира не сделал бы выбор в сторону социалистического, в крайнем случае — некапиталистического пути развития³⁹. А даже беглый взгляд на политическую карту мира 1960-х годов с железной логикой доказывает, что даже формальные, декларативные преимущества социализма как общественно-экономической системы на фоне гигантского скачка в сфере научно-технического прогресса оказались в действительности притягательными для абсолютного большинства стран, выбирающих путь своего развития. В то же время данный факт подтверждает и ту истину, что вторая сторона выбора — капитализм — и в силу постколониальной традиции (воспоминание о национальном угнетении), и в силу действительно грабительского по отношению к массе трудящегося населения этих стран характера неоколониальных тенденций притягательным не являлся, то есть не выступал в качестве эффективного аттрактора перспективы исторического развития.

В целом речь идет о том, что как следствия, скажем так, неадекватного субъективного выбора внутреннего пути развития нашей страны идеологами капитализации, оказались более важными, чем предпосылки, их вызвавшие. Плоды этого выбора мы зафиксировали в статистических выкладках динамики внутреннего социально-экономического развития (а, точнее, тенденцию последнего к состоянию абсолютной стагнации) народного хозяйства России в исследуемый период⁴⁰.

³⁸ Только страны социалистического содружества имели совокупную территорию 25,4 миллиона квадратных километров и население около 465 миллиона человек. На их долю приходилась почти одна треть мирового промышленного производства, примерно 1/4 электроэнергии и добычи нефти, больше 1/3 выплавки стали и добычи газа. Отдельную, но все же социалистическую ориентацию, имела Китайская Народная Республика.

³⁹ К силам, которые относятся к данной категории помимо стран, прочно ставших на путь социалистического развития, можно отнести страны, получившие национальную независимость и выбравшие некапиталистический путь развития. Именно они составили основу движения неприсоединения. Его участниками являлись 99 государств Азии, Африки, Латинской Америки, Океании и Европы, а также два национально-освободительных движения — Организация освобождения Палестины и Народная организация Юго-Западной Африки. 1960 год был назван годом Африки. Притягательность социалистических идеалов просматривалась даже в тех, противоречащих догматическому пониманию марксизма идеологических течениях развитых коммунистических партий Европы, которые объединились под лозунгом еврокоммунизма.

⁴⁰ В современной России рост богатства активной части третьей, сверхбогатой, страты даже формально основывается на факте разграбления общенародной собственности (так называемая приватизация). И таким образом он с силой общественной закономерности ведет как к падению национального достояния, так и к резкому усилению дифференциации страт по той доле, которую каждая из них получает. А если принять во внимание тот факт, что первая и вторая страты количественно составляют абсолютное большинство населения страны, то рост сверхбогатства 6 процентов населения неизбежно вызовет (и вызывает в реальной жизни) обнищание всего общества. Для подтверждения данного тезиса мы приведем только один показатель: в результате реформирования и конституирования

* * *

К сожалению, в большинстве постсоветских государств не наблюдается активная и последовательная структурная перестройка экономики, реальный переход ее на инновационный путь развития, выход из стагнации высокотехнологичных секторов, в первую очередь, обрабатывающих отраслей. В ряде стран общие объемы производства в обрабатывающих отраслях, где достигается научно-технический прогресс, формируется высокая прибавочная стоимость, даже сократились.

Замедление экономической активности в странах региона связано, прежде всего, с уменьшением внутреннего спроса. В результате во многих государствах снизилось потребление населения, Минэкономики Российской Федерации, например, в своем докладе о социально-экономическом положении страны за 2015 год фиксирует максимальное за последние 40 лет сокращение частного потребления.

Нищающее население уже не может предъявлять спрос на прежнем уровне. Сложная экономическая ситуация ударила по низшему и среднему классу⁴¹.

Ряды бедных пополняют представители среднего класса. Отдельно стоит подчеркнуть, что сжатие среднего класса в странах региона является результатом не перераспределения общественного богатства, а именно сокращения доходов большей части населения⁴².

В ряде стран региона усиливается неравенство. Причем, в отдельных из них оно очень велико. По оценкам экспертов в России, например, доходы 10 процентов наиболее богатого населения превышают доходы 10 процентов малообеспеченного населения в среднем в 25–30 раз (по статистике только в 14 раз), а по Москве — в 43 раза. Такой глубины неравенства по

подобных социальных целей, отношение доходов 10 процентов самых богатых россиян к доходам 10 процентов самых бедных (децильный коэффициент) составляет от 15:1 до 20:1 (в промышленности бедные беднее богатых в 21 раз, в сельском хозяйстве — в 24 раза, в строительстве — в 25 раз). По экспертным оценкам, 48 процентов из нынешнего поколения 16-летних не доживет до 60 лет. Такова реальная цена всех сегодняшних «реформ».

⁴¹ Если в 2014 году количество бедных, например, в России составляло 17,4 млн человек (12,1% населения), то в 2015 году оно подскочило до 19,2 млн, или 13,4 процентов населения. По данным опроса 85 процентов жителей Молдовы считают себя бедными. Их доходов хватает только на самое необходимое. Хотя ранее эта цифра не превышала 75–76 процентов. Результаты проведенного опроса подтверждают прогноз Всемирного банка, в соответствии с которым в течение ближайших нескольких лет количество бедных граждан Молдовы будет стремительно расти. По данным Института демографии и социальных исследований Национальной академии наук Украины в 2015 году в Украине уровень бедности может превысить 35 процентов. В то время как в 2014 году в Украине было 28 процентов бедных, а в 2013 году — 22 процента.

⁴² В частности, по данным исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы доля россиян, относящихся к среднему классу, упала к концу 2015 года с 20 до 15 процентов населения. По последним данным этот показатель составляет в Азербайджане — 19 процентов, в Армении — 8, в Казахстане — 20–30, Таджикистане — 2–3 процента. В Украине численность среднего класса до экономического кризиса оценивалась в 22 процента, в 2015 году, по данным Credit Suisse, насчитывалось всего 297 тыс. (0,83% населения) представителей среднего класса. Практически весь средний класс Украины превратился в бедняков.

доходам, как в отдельных странах СНГ, нет ни в одной европейской стране. Хуже дела обстоят только в ряде стран Африки и Латинской Америки.

* * *

Приведенный выше анализ свидетельствует о том, что большинство стран региона все больше отдаляются от принципов социального государства: заметно снизился уровень жизни населения и его социальная защищенность. Углубляются противоречия между трудом и капиталом.

Представители крупного бизнеса не оставляют попыток наступления на законные права трудящихся, а экономическая, включая бюджетную и финансовую, политика правительств многих стран все более ориентируется на ультралиберальные ценности, предполагающие уменьшение регулирующей роли государства, сдерживание роста заработной платы, пенсий и отказ от социальных гарантий. Да и в целом тяготы сложного экономического положения все в большей мере перекладываются на плечи трудящихся.

Точно в такой же степени следствия субъективного выбора модели мирового развития, стратегический сценарий реализации которого был промаркирован еще речью У. Черчилля в Фултоне в 1946 году, значительно превзошли по своей значимости предпосылки (противоречия), вызвавшие их к жизни.

Если воспользоваться терминологией времен начала действия этого грандиозного спектакля, ареной которого все последующие десятилетия был весь мир, то условия выбора определялись антагонизмом двух социально-экономических систем: социализма и империализма. Холодная война, процессы которой флуктуировали вокруг центра биполярности мирового устройства, как бы имела заложенную в нее программу подавления потенциала, функций и объема (сферы) влияния системы-антагониста.

Другими словами, война велась до полного поражения одной из сторон. Результатом ее, по различным вариантам, должен был стать новый мировой порядок. С позиции западных идеологических доктрин он должен был быть основан на принципах демократии и свободы, прототипом которой служила структура ООН, где компромиссы мировой политики достигались бы не балансом силы, а балансом свободно заявленных интересов.

В свою очередь, мировая социалистическая система опробовала модель СЭВ и Варшавского Договора. Она желала бы предложить мировому сообществу социалистический выбор, в основу которого заложен принцип равенства субъектов мировой политики, что и было зафиксировано в документах Хельсинского совещания по проблемам европейской безопасности. Мир, таким образом, также мыслился полицентричным.

* * *

Сам факт того, что заявленные, декларируемые модели мирового устройства, если не считать чисто пропагандистских приемов, были практически тождественны, и интересен, и предельно важен. Дело в том, что наличие двух силовых центров влияния в мировой политике с силой закона предполагало общий центр тяжести — ту точку опоры, вокруг которой вращалось все множество частных интересов периферийной зоны, и даже той части человечества, которая по той или иной причине не входила в сферу биполярно-системного устройства политического пространства мира.

Таким центром тяжести являлась реальная гарантия двумя сверх-системами мирного характера развития человечества. На его фоне все, даже жизненно важные экономические, социальные и политические мотивы становились частными, производными, и, как казалось, не имеющими определяющего значения.

Таким образом, объективно для всего мирового сообщества противоречие двух схем социального устройства, выступая антагонистическим в плане идеологического обеспечения собственных притязаний на внутреннюю и внешнюю гегемонию, являлось, по существу, согласительным и, по мнению ряда политологов, обладало по отношению друг к другу «принципом дополнительности»⁴³.

Поэтому, несмотря на колебательные волны приливов и отливов политической практики, мир-система в условиях биполярности имел все реальные шансы оставаться стабильным по внутренней форме организации систем-антагонистов. Более того, в самом принципе биполярности имелось достаточно глубинных (игровых, имитационных, состязательных) мотивов к развитию на основе состязания различных сфер жизнедеятельности с ориентацией на референтные группы обеих систем.

Кроме того, предельно важным являлось то обстоятельство, что наличие разных полюсов в этих различных сферах общественной жизнедеятельности — от институциональной до геополитической, от экономической до идеологической — предоставляло странам третьего мира возможность реального выбора своего пути развития. Пионерные прорывы, происходившие в науке и производстве, референтные социальные или идеологические статусы в обеих системах делали возможным такой выбор как при декларировании дивергентной, так и конвергентной картины развития мира-системы. И политическая действительность 1960–1970-х годов, отраженная на карте мира, полностью подтверждает наши выводы.

⁴³ См.: Указанные работы И. Валлерстайна и Ф. Броделя.

* * *

Процесс социальной трансформации распространился на весь XX век и после того, как стала исчерпывать себя частная форма конкретных монополий, через трагедии мировой войны, сформулировал в параметрах вызова истории три ответа: рузвельтовский «новый курс»; фашизм как дуальность частного капитализма; государственно-монополистический капитализм советской системы. Таким образом, после поражения извращенной формы правления в Германии к середине столетия мир подошел к границе современного социума с двух площадок: ТНК Запада и ГМК СССР.

Вторая историческая суперсистема в результате известных причин и событий распалась на пространство, оформившееся как СНГ, страны восточной Европы и Балтии. На грани системной дисфункции, особенно в сфере реальной экономики и социальной миграции стоит западный мир.

При этом явными признаками кризисной сущности выступает доминирование в реальности не естественных, а искусственных систем; сознательная подмена целей прогресса и моральная деградация. Эксплуатация фиктивных товаров — оснований частного капитализма, — земли, труда и денег с силой закона породили искаженную картину мира и, следовательно, неадекватную реакцию на социальные геополитические и системные вызовы.

Следует подчеркнуть, что трансформационные изменения, происходящие в современном мире, все отчетливее приобретают черты системности. Следовательно, те глобальные перемены, которые происходят на уровне человеческого сообщества в целом, с силой закона оказывают влияние на особенные процессы изменений как в границах отдельно взятых национальных государств, так и в параметрах структуры социальной системы, ее единичных подсистем и в действии механизмов их функциональности. Причем, серьезным обстоятельством, мимо которого сегодня уже невозможно пройти, является то, что вектор социальных изменений направлен не только на прогрессивное развитие функций и систем, но и на их деградацию, в том числе, на формирование ряда негативных функций, подсистем социального организма и негативных общественных феноменов.

Интенсивный процесс втягивания национальных государств в единую сеть отношений в экономике строится на неравноправных условиях под прикрытием проектов либерализации, демократического транзита и модернизации. Тем самым внутренние проблемы общества, с одной стороны, кумулятивно обостряются проявлением внешнего силового воздействия; с другой стороны, действие закономерностей качественной трансформации начинают рельефно проявлять себя уже в масштабах человеческого сообщества, становясь универсальными законами его преобразования.

Источником социальных противоречий являются коренные интересы капитализации внутренних и транснациональных корпораций и обслуживающих их социальных групп, как легальных, так и криминальных; полем конфликта внешнего и внутреннего, нормального и девиантного выступает политическая власть государства; центральным звеном — ее государственные служащие; детерминирующим всю гамму негативных процессов в интерактивном социальном пространстве механизмом — коррупция.

Мир становится иным. Каскад бифуркаций делает непредсказуемым конкретный результат и зависит от ничтожно малой величины граничного воздействия. Любое социальное действие в этих условиях способно вызвать лавину цепной реакции расщепления современности.

Однако системный результат организационного строения нового мира может быть реализован в троякой вероятности монополярности, полицентричности или биполярности. Опустив подробности, скажем, что реально возможным принципом выступает только биполярность.

* * *

Что же произошло в конце 1980–1990-х годов? От какого мира сообщество объективно ушло, и каковы основания, противоречия, движущая сила и мотивация к развитию всей целокупности мира-системы в настоящем и будущем?

Ни одно явление окружающей нас действительности, включая всю гамму человеческих отношений, не возникает из ничего и не исчезает бесследно. Это — банальность, но банальность, имеющая для нашего анализа первостепенное значение. Ибо дает возможность установить, где, на какой глубине пластов мирового развития находится источник, в своей основе объективный, происходящих сегодня глобальных процессов.

Более того, чисто физический принцип поможет в данном случае выявить и методологическую ошибку практически всех аналитиков геоглобалистики, да, пожалуй, и всей системы исследований современных социально-экономических и идеологических процессов.

Если допустить, что выводы, сделанные относительно мировых процессов ранее, принципиально верны, то дело не в текстовых характеристиках (контекстах) истории, а, скорее всего, в том угле зрения, под которым сам исторический процесс подвергается процедуре исследования. Таким образом, речь идет не об изменении содержания исследуемых явлений, а о перераспределении пропорций, относимых к значимому содержанию и контексту. Фактически мы для более вероятного результата обязаны изменить модальность методологии исследовательской позиции.

Что мы имеем в различных вариантах традиционной парадигмы описания движения мира-системы в XX столетии? Десятки, а то и сотни

концепций и гипотез так или иначе, отталкиваясь от различной мировоззренческой основы, могут быть сведены к двум, на общих основаниях, метаконструкциям: это — доктрины дивергентного и конвергентного развития двух противоположных, хотя бы и в своей идеологизированной, знаковой форме (точно в соответствии с производными В. Парето) общественно-экономических систем.

Подчеркнем: весь спектр производных — от научно-парадигмального до радикальных пропагандистских утопий, основывается на следующих моментах.

1. Мир-система после 1917 года распался на две общественно-экономические системы.

2. По декларации своих долгосрочных целей данные системы стратегически противоположны.

3. Будущее мира-системы возможно в двух вариантах: а) победа одной мировой системы при уничтожении другой; б) сосуществование в течение неопределенно долгого срока обеих систем, взаимно диффундирующих по своим основаниям и поглощающих объемы социумов, вне входящих суперсистемы.

Если пункты 1 и 2 являются общими для всех без исключения методологий политологии и глобалистики, то по следствиям, из них вытекающим, имеют существенные различия. Концепция дивергенции, отрицая внутреннюю конгруэнтность систем, приходила к позиции 3.а); тогда как сторонники конвергентного процесса истории взаимоотношений двух мировых систем, обращая внимание на сходство ряда процессов, протекавших и в той, и в другой, отстаивали позицию 3.б). При этом содержанием текста, несущем смысловую нагрузку, выступил контент идеологических деклараций, а системный анализ морфологии, функций и динамики развития социумов рассматривался как контекст.

* * *

Собственно, это все. Постперестроечные в России и послесобытийные в мире гипотезы, делающие попытки анализа того, что произошло и происходит в человеческом сообществе даже несмотря на всю, по крайней мере, идеологическую глубину преобразований и изменений, с точностью закономерности исходят и из описанных посылок, и из имевших место ранее традиционных соотношений содержания и контекста истории.

Речь по-прежнему идет о двух, и только о двух, условиях перемен.

1. Социализм как система оказался нежизнеспособным по своим экономическим и социальным реальным основаниям. Россия «выпала» из мировой истории, и теперь возвращается в ее «животворное» лоно.

2. В борьбе антагонистических систем социализма и капитализма прямую, сравнимую с военной (а иногда даже указующую на действительную победу в реальной тайной войне), победу одержал капитализм.

Вполне вероятно и правдоподобно, что и первое, и второе утверждения, равно как и тысячи их вариаций имели некоторое место в действительном историческом процессе. Но не в таком объеме, и не в общепринятой в политической науке системе отсчета.

Империи рушатся из-за возникающего вакуума равноценного, в полном объеме понятия, субъекта взаимодействия. То есть, с исчезновением второго полюса (второй, пусть даже «дурной», стороны движущего исторические процессы противоречия). Тогда условный магнит под действием естественных законов делится на противоположные по характеру полюса уже внутри себя. В обществе носителями этого внутрисистемного полюсного напряжения становятся социальные страты и институты внутреннего мира Империи. Конец подобного процесса предельно ясен.

Кстати, аналогичные концептуальные идеи описания внутреннего состояния города-полиса имеются в воззрениях Платона и других философов древности, а именно там, где речь идет о роли в процессах общественного упадка «порчи», вырождении элит. На самом же деле здесь явно просматривается мысль о важнейшей роли второй стороны взаимодействия социальных сил — о процессе исчезновения равных элите, но противостоящих ей, как второй полюс магнита, — контрэлит, то есть, о неэффективности взаимодействия и также неэквивалентности объемов корпоративного (как качественно, так, возможно, и количественно, в соответствующих пропорциях) взаимодействия элиты и контрэлиты, «партнеров-конкурентов» в форме социальных страт, классов, групп или институтов общественного устройства.

* * *

Если вычленишь рациональное зерно в тех трактовках, которые даны Ф. Броделем к понятийному аппарату описания рыночной экономики и капитализма, то уже в самом процессе динамики капиталистического способа производства отчетливо видно подтверждение сделанного нами вывода и его детализация.

Так, можно представить себе две эволюционные лестницы в социальном обществе: эволюцию содержания и форм частной жизни, воплощенная в институтах гражданского общества и эволюцию политического общества, то есть собственно институтов государства (органов государственной власти и управления).

Первая есть множество, развивающееся на основе рыночных отношений приватного или корпоративного характера.

Вторая представляет собой в тенденции идеальную замкнутую корпорацию и может существовать в форме рынка только во взаимодействии с аналогичными корпоративными единицами, то есть, выражаясь конкретно, с другими государствами.

Любое нарушение механизмов и содержания иерархии этих процессов ввергнет общество в период нестабильности.

Еще более важным методологическим постулатом является вывод о стратегических целях геополитических игроков. По сути, цель одна — ресурсы планеты. При этом для решения конкретных задач, обеспечивающих возможность достижения цели, не имеет больше значения ни политическая, ни экономическая, ни идеологическая «окраска» партнеров. Способны предоставить ресурсы, то годятся в союзники, хотя бы и временные, если нет, то подлежат «зачистке», будь они хоть кровными родственниками.

Отсюда две стороны современного понимания свободы для стран СНГ и им подобных. Первая позиция связана с национальной политикой протектората реальной экономики и готова войти в систему международного разделения труда и власти как суверенное (без всяких оговорок) государство. Вторая позиция впервые в истории рождает на наших глазах целые компрадорские государства, играющие в геополитических финансовых играх за «болвана», проедаая будущее своих народов. Первый путь — складывание биполярной системы с центрами сдерживания и развития. Во втором случае деградирующий в историческом времени альянс, способный взорваться мировым конфликтом. В этом контексте хочу обратить внимание на тот факт, что когда способы ведения современных войн становятся все технологичнее, их мотивация обретают явную тенденцию к деградации: от борьбы идей — к борьбе за биологическое выживание.

* * *

Учитывая закономерности любого социального переходного периода, такие как усиление внеэкономического ведения хозяйства, роли государства в его политическом универсализме и складывание социальной утопии, необходимо подчеркнуть следующее. Созидание возможно только на прогнозируемой плановой, в пределах идеала, основе; в монополизированном ТНК или ГКМ мире нет места «невидимой руке» рынка.

Таким образом, в мировом геополитическом пространстве Россия и СНГ могут иметь только два варианта будущего: либо мишень сырьевых и территориальных претензий соседей, либо, при условии сознательной совместной интеграции в единстве культуры, стратегических целей и действий, сложиться как «фигура» геополитического актора, имеющего свои общие задачи в поле мировой истории. При этом Россия никому ничего не должна, ни как истец, ни как ответчик. Она может лишь выстроить такую

систему внешней и внутренней политики, которая станет притягательной для наших братских народов и их суверенных государств.

Вместе с тем, внешняя политика — всегда отражение и продолжение внутренних политических задач. Поэтому параллельно с выстраиванием эффективной системы партнерства в международном пространстве необходимо запустить механизмы регенерации российского общества.

Если посчитать все социальные обязательства нашего государства — от закона о ветеранах до закона об основах культуры, — то они составят два с половиной консолидированных бюджета. Их объем достигает 70 млрд долларов или 50 процентов ВВП. Государство реально финансирует лишь 10–15 процентов этих обязательств. В то же время в сфере экономики уровень коррупции в России сопоставим с бюджетом государства, и оценивается в 240 млрд ежегодно.

Общий вывод: для достижения цели восстановления экономического потенциала страны необходимо изменить социальные параметры реформ, т.е. установить принципиально иные цели социально-экономического и духовного развития и заменить властную элиту.

Поэтому решать эти задачи придется в условиях мобилизационной экономики и реиндустриализации в направлении формирования экономического базиса процветания и независимости. Для того, чтобы получить кредит доверия граждан, необходимо открыто манифестировать цели и задачи, лозунги и параметры того системного сообщества, в направлении идеалов которого будут реализовываться государственная стратегия и тактика.

Но, в любом случае, необходимо иметь в виду, что даже при таком подходе нельзя делать те ошибки экономического курса, которые уже отринуты исторической практикой.

* * *

Речь идет о том, что ни одна страна и никогда не выходила из системных кризисов путем инициирования не только предельной, но даже слегка окрашенной либеральной методологии. Во всех государствах главным побудительным мотивом являлась всемерная стимуляция внутреннего спроса, приоритет зарплаты над любыми иными индикаторами, сдерживание безработицы и использование возможностей развивающегося дефицита государственного бюджета.

Более того, если хаос безвременья и кризисов всегда сочетается с попытками олигархов организовать наступление на права наемных трудящихся (последние годы — характерный пример), то выход и восходящее экономическое строительство всегда сочетается союзом труда и капитала, эффективным социальным партнерством и неотвратимым соблюдением всех государственных гарантий.

В условиях постиндустриальной экономики принципиально меняются и вызовы в сфере взаимодействия труда и капитала. От прямой оппозиции, рассматривающей только моменты их противоположности, процесс экономического развития настойчиво востребует трудовые функции самого труда, как в виде деятельности собственника по обеспечению движения и прироста капитала, так и прямого живого труда топ-менеджмента по управлению современными производствами и технологическими циклами в финансовом обращении.

Второй стороной выступает необходимость реальной капитализации овеществленного в производственном процессе труда. Сегодня наемный работник, особенно высокой и высшей квалификации, не может и не должен рассматриваться только в качестве издержки воспроизводственного цикла. Право наемных работников, как собственников рабочей силы, в чисто финансовом обеспечении затраченного труда выражается уровнем заработной платы; в праве собственников — в формах, системообразующих возможности эту собственность поддерживать и воспроизводить. То есть, через систему фондов общественного потребления должна реализовываться та часть права собственников рабочей силы, которую работодатели и государство не могут или не хотят обеспечивать ростом реальной заработной платы.

О цене, которую народ нашей страны заплатил за алчные устремления отдельных лиц под вывеской демократии и либерализма, сказал в частности на встрече со своими доверенными лицами В.В. Путин еще в начале тысячных годов: «Политические спекуляции на естественном стремлении людей к демократии, серьезные просчеты при проведении экономических и социальных реформ привели тогда к очень тяжелым последствиям. За чертой бедности оказалась фактически треть населения страны. ... Больше того, страна впала в унижительную зависимость от международных финансовых организаций и разного рода международных финансовых спекуляций. Только вдумайтесь: в пересчете к ВВП внешний долг России на конец 2009 года составлял почти 90 процентов. ... Результат — экономическое неравенство регионов и, как следствие, экономическое неравенство граждан. И это становилось нормой. ... Люди ... не верили уже и в то, что государство сможет исполнять даже минимальные социальные обязательства».

Сегодня страна поднимается с колен, прямо глядя в лицо своим недругам и в собственное будущее. Одно только историческое воссоединение Крыма с Россией дорогого стоит.

* * *

Вместе с тем, необходимо констатировать, что даже те позитивные изменения, которые имеют место быть в нашей стране, сами не определены по основным структурообразующим социальным параметрам. Нет

обоснования такого, а не иного хода социального движения; отсутствуют стратегические ориентиры общественного и государственного строительства; а проблема роли государства в принципе отражена неверно.

И, главное, не обозначен ясный социальный приоритет: власть с народом или с узкой группой, обогатившейся за счет ограбления населения, собственников? Представляется, что без ответа на этот и подобные им существенные для жизнедеятельности нашего общества вопросы оно не приобретет уверенности не только в завтрашнем дне, но даже в границах сегодняшнего, еще длящегося, дня. Поэтому мы вправе констатировать, что выводы девяностых годов прошлого века еще не отменены, они только приостановлены.

Сегодняшние лидеры российской политики, не отличаясь выдающимися способностями, имеют политическую волю и, что важнее всего, кредит доверия общества и направленные на оптимистическую цель социальные ожидания.

В условиях действия законов переходного периода и кумулятивного нарастания формационных противоречий главным фактором успеха становится с силой закономерности возрастание роли государства. Это не означает (хотя и не отрицает, если без демагогии и лукавства) диктатуры и т.д. В арсенале государства есть практически неограниченный набор легитимных средств. Так, в поле исключительных общероссийских проблем государственного строительства, национальной безопасности и стратегических системообразующих отраслей хозяйства оно является «самодержцем»; в развитии общественных отношений — универсальным инструментом формирования госзаказа и социального пакета важнейших решений; в сегменте рыночных отношений — влиятельным игроком на рынке финансовых потоков, товаров и услуг. В сфере творчества, образования и воспитания в тандеме с частной инициативой государство должно выступить сотворцом и меценатом.

Но, учитывая историю, традицию и современный характер политической власти в России, обязательным условием эффективности ее решений должна стать манифестация социальных намерений.

Во-первых, необходимо точно сформулировать стратегические цели, тактические задачи и ориентиры развития общества.

Во-вторых, государство должно сформировать систему государственной службы, при этом: а) сформулировать идею государственного служения, а не зарабатывания денег за счет государства; б) прекратить огульную травлю государственных служащих — настоящих коррупционеров и глава государства, и премьер правительства знают в лицо, ибо коррупция начинается там, где существует влияние на распределение бюджетных финансовых потоков, что совсем не поголовное взяточничество. Право и государственная служба — два уникальных и единственных рычага государства. Других не было в истории и не будет в будущем.

В-третьих, государство должно определиться с социальной базой развития. Все = никто. Следует определить главное звено и общественные силы, способные инициировать их развитие.

В-четвертых, в пространстве складывания информационной матрицы нового общества необходимо развернуть мощную систему идеологического обеспечения поставленных задач. И именно здесь в формате опыта продвижения основных идей государственного строительства и национальной безопасности нам поможет знание профессиональных черт советского государствоведения, основ государственного управления и тенденция настоящего самоуправления.

* * *

Одинаковые социальные причины с силой закона порождают одинаковые социальные следствия. За карточными столами образованной Европы русские дворяне проиграли не только свою честь, но и Российскую Империю. Нынешние «олигархи» в куршавелях проматывают не только свое ничтожество, но и Россию. За 1861 годом пришел 1917-й! А дальше?!

В то же время общность истории, традиций, совместной жизни; современных целей и геополитических задач делают Евразийский проект, провозглашенный тремя государствами, ведущей стрелой в будущее всей системы СНГ. Практика свидетельствует: с аутсайдерами геополитики сильные мира сего заигрывают только в благополучные времена. В кризис возможны только две модели: договоренность сильных за счет слабых и война.

Основой всей системной трансформации должен стать всеобъемлющий национальный проект «Культура», ибо главный ключ в будущее — люди, и в профессиональном понимании, и в духовном измерении. Любое образование суть межпоколенческая трансляция культурных смыслов; воспитание — культурных навыков; деятельность — исторического опыта и наследования духовных и материальных ценностей.

Подтверждая изложенное, события, водоворот которых начинает захлестывать социальное пространство современной России, наглядно демонстрируют даже далеким от политики обывателям, как относительность любых конкретных предсказаний, так и железную неотвратимость действия законов общественного развития. Тех законов, знание которых вычеркнуто из сознания современного поколения россиян.

А основной закон социального движения гласит: если система не развивается, она неизбежно деградирует. Поэтому выбор один: либо вектор развития 1917 года, либо падение в апокалипсис 1992-го.

Примечательным обстоятельством, формирующим поле исследования, выступает схожесть ситуации сегодняшнего дня с концом 80-х годов прошлого столетия. Налицо экономическая, особенно производственная,

стагнация, практически замороженная научная мысль в сфере анализа системы социальных отношений, массовое брожение и полная неопределенность как текущего состояния, так и перспектив.

Фактически налицо все объективные признаки революционной ситуации: кризис верхов, которые в силу профессиональной некомпетентности и коррупции не в состоянии управлять не только общественными, но уже и хозяйственными процессами; нежелание и неумение масс приспособиться к отсутствию выбора жизненного пути и его гарантий со стороны общества в виде государственной правотворческой и правоохранительной систем; резкое ухудшение материальных условий жизни общества, с одной стороны, из-за несправедливой системы производства и распределения, с другой — из-за разнузданного ценового грабежа естественных и социальных монополий. Фактически уже реализует себя второй признак — превращение относительного обнищания масс в абсолютное. Нарастание пока еще различных по содержанию и форме проявления протестных акций свидетельствует о неизбежной активизации населения.

Но революционная ситуация, складывающаяся в современных условиях, обладает жесткой минусовой составляющей. В ней отсутствует субъективный фактор. На уровне общества при отсутствии теоретического сознания в форме политической идеологии событийный ряд проецируется на уровне массовой психологии. Отсутствие субъективного фактора в виде партии профессиональных революционеров (тогда как профессиональные контрреволюционеры и проводники влияния чуждых нашему обществу идей налицо) и революционных лидеров, как теоретиков, пропагандистов и организаторов массового политического движения, которое только и есть политика в ее сущностном определении, в отличие от придворного интриганства нынешней «политической элиты».

Вместе с тем, характерным и делающим ситуацию еще опаснее признаком, является полное отсутствие у верхов ресурсов управления, у низов — ресурсов выживания, в том числе биологического и организационного. Свидетельством первого является предложение «олигархата» об увеличении рабочего времени, пенсионного возраста, гибкости рынка труда и т.п. Спекулятивный характер псевдоэкономических отношений и гигантское превышение предложения денег богатым над предложением доступных материальных благ и услуг основной массе трудящегося населения на фоне практического искоренения национального промышленного производства превращает биологическую сверхэксплуатацию живых людей в единственный источник капитализма в его современной извращенной форме.

В то же время, отсутствие усилиями государственной системы образования, культуры и воспитания, живой организации масс и скрепляющей силы социальной утопии, в религиозной или иной форме, делают форму протеста единой и безальтернативной — безумный, безудержный и беспо-

щадный русский бунт. Причем, в какую бы форму российских национальностей и конфессий он ни одевался (превращение художественного фильма «Матильда» в информационный повод обострения социального противостояния и складывание реальной идеологии «чёрной сотни» — очень настораживающий процесс в массовом сознании).

Можно сказать, что в не столь давнем феномене Куцевской станции, примерах с Улюкаевым и Захарченко, как в зеркале отражается факт коррумпированности гниющих верхов, а факты опять же недавних Кондопоги, Манежной и Болотной прогнозируют форму грядущей социальной реакции. То, что за серыми всегда приходят черные, показал украинский майдан. А весь опыт перестроечных лет гласит: одна только протестная реакция ведет к гибели социума, одновременное заигрывание с верхами и низами парализует механизмы управления, и если запущены системные механизмы распада, участие в спасении социальной системы эффективных руководителей ускоряет процессы ее уничтожения. Как только национальные формы или религиозные противоречия проявятся в открытом социальном протесте, искать виновных будет поздно.

* * *

Суммарным уроком Великой революции может стать вывод о том, что в условиях социального расслоения и идеологического противостояния власти и оппозиции, дело не в самой оппозиции, а в том, что сил на развал и обрушение ситуации хватить может, а вот ресурсов на восстановление разрушенного сегодня у страны, проевшей свое прошлое и начавшей проедать будущее, просто нет.

Весь мировой опыт, с положительным учетом уроков Великой Октябрьской социалистической революции с точностью естественнонаучного закона утверждает, если мир не перестроится на восходящую волну социалистических общественных отношений, во всех вариантах и сценариях исчерпавшего все ресурсы существования капитализма, опять же, в любых его организационных социальных формах будущего у человечества нет.

Список литературы

1. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
2. Забелин А. В. От коммунистической утопии к рыночной // Кентавр. 1994. № 3–4.
3. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994.
4. Зиновьев А. А. Конец российского эксперимента. М., 1995.
5. Ленин В. И. Государство и революция. М.: Политиздат, 1977.

6. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. М., 1964.
7. Ленин В.И. О государстве. М.: Политиздат, 1983.
8. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. М.: Политиздат, 1983.
9. Ленин В.И. Последние статьи, письма и речи // Полн. собр. соч. Т. 45.
10. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Соч. 2-е изд. Т. 1.
11. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 года (первоначальный вариант «Капитала»). М.: Политиздат, 1980.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3.
13. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
14. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Культура, 1996.
15. Тоффлер А. Футурошок. Спб.: Лань, 1997.
16. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М.: ВлаДар, 1995.
17. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999.
18. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.